

NEW DATA ON THE MONETARY REFORM OF SAUROMATES II IN THE BOSPORAN KINGDOM

S. Yu. Saprykin, A. V. Kulikov

The authors publish a semi-libral lead weight with three inscriptions designating the cost of the goods. The weight is dated to the late 2nd century AD. The inscription on lead gives the number of 192 ounces corresponding to the price for some amount of goods according to the Roman system. The inscriptions denote the cost in different denominations of copper coins current in the Bosporan Kingdom before and after Sauromates' II monetary reform. The coins issued in the 1st c. AD were used in the kingdom as well as those issued in the 1st half of the 2nd century. That was the reason why on one side of the weight a trader marked the sum of money for the goods weighing 195 ounces (5.25 kg). This weight was given in different coins according to the system adopted in the Bosporan state before and after the reform of Sauromates II.

Keywords: Bosporan Kingdom, Sauromates II, Roman Empire, semi-libral lead weight, libra, ounce, ass, denarius, drachma, dupondius, sestertius.

© 2013 г.

И. Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ ПРОЛИВЕ БОСПОРЕ СИНДСКОМ

Существование в античности к востоку от Боспора Киммерийского второго пролива, соединявшего Черное и Азовское моря, на сегодняшний день можно считать вполне доказанным благодаря исследованиям российско-германской группы ученых (Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер и др.); однако название, данное ими проливу, – Боспор Кубанский – представляется неудачным. Мы предложили бы иное: Боспор Синдский. Возможно, именно этот пролив имеется в виду под известной «Синдской щелью» у Гиппонакта. Мы считаем, что пролив перестал быть судоходным для морских кораблей уже в классическую эпоху и это привело к упадку основанных близ него греческих колоний.

Ключевые слова: историческая география Северного Причерноморья, проливы, острова, Боспор, колонизация, Тамань.

Каждый, кому довелось знать Юрия Германовича Виноградова, думается, согласится: одной из самых ярких, определяющих черт его личности, его характера был постоянный, живой интерес ко всему новому в тех областях антиковедения, которыми он занимался. Темпераментно, даже страстно реагировал он на любую появлявшуюся в этой сфере «новинку», будь то только что открытый памятник, ранее не известный факт или выдвинутое кем-либо оригинальное, нетра-

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

диционное мнение. Разумеется, реагировал по-разному: в одних случаях с энтузиазмом принимал и развивал, в других – яростно полемизировал. Но, главное, никогда не оставался равнодушным. Мы не сомневаемся, что не оставила бы его равнодушным и та чрезвычайно важная информация, которая в самые последние годы стала появляться по проблемам палеогеографии и гидрографии Тамани в античную эпоху¹.

Российско-германская группа ученых – Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер и ряд их коллег – в серии работ² сделала весьма серьезную заявку на историко-географическое открытие первого ранга. Исследователи настойчиво – и, что особенно важно, очень уверенно и аргументированно – утверждают: в тот период, когда появлялись эллинские колонии на северных берегах Понта, восточнее Боспора Киммерийского имелся его «дублер» – еще один пролив, также связывавший Черное и Азовское моря. Располагался он там, где ныне происходит разветвление двух рукавов Кубани – основного, впадающего в Азовское море, и захиревшей Старой Кубани, уходящей на юг, – и где по соседству находятся крупные лиманы (Ахтанизовский³, Кизилташский и др.). Последние, в рамках рассматриваемой концепции, были частями того же водного пути, некогда существовавшего, но впоследствии исчезнувшего.

Если данная гипотеза верна, то она влечет за собой, без преувеличения, чрезвычайно серьезные последствия для всей истории античного Северного Причерноморья. Именно поэтому вначале мы отнеслись к гипотезе со всей возможной осторожностью (что может подтвердить и сам Д.В. Журавлев, конечно, помнящий, как пристрастно и скептически мы на первых порах расспрашивали его обо всех нюансах его изысканий).

Впрочем, представления о палеогеографии Тамани в I тыс. до н.э. как раз на современном этапе переживают радикальную «ломку». Еще недавно было принято писать, что в древности нынешний Таманский полуостров представлял собой архипелаг⁴. По инерции так пишут еще и сейчас⁵. Но, право же, не слишком корректно называть архипелагом образование, состоявшее из одного очень крупного острова (не просто самого крупного острова в Понте, но прямо-таки несопоставимого по размерам с любым другим островом этого моря) и двух прилегающих островков, несравненно меньших, чем большой⁶. Конечно, что называть, а что не называть

¹ Мы сердечно благодарны Д.В. Журавлеву и А.А. Завойкину, которые охотно обсуждали с нами рассматриваемую здесь проблематику, щедро делились соображениями и аргументами. Но, разумеется, ответственность за возможные в статье ошибки или недостаточно взвешенные суждения всецело лежит на авторе этих строк.

² В частности: Журавлев и др. 2010; Журавлев, Шлотцауер 2011; Kelterbaum et al. 2011. Мы указали лишь некоторые, важнейшие из этих исследований.

³ Название Ахтанизовского лимана явно не происходит от станицы Ахтанизовской, поэтому не вполне верным кажется нам транскрипция этого топонима в англоязычных работах как Akthanizovskaya Liman (например: Kelterbaum et al. 2011, 236 и др.). Конечно же, именно лиман дал имя станице, а не наоборот. Название же лимана с полной надежностью выводится из тюркских языков: Ах-Таниз (Ак-Дениз) – «Белое море». Налицо контрастная ассоциация с расположенным поблизости Черным морем (Кара-Дениз).

⁴ Типичный пример: Паромов 2006, 365 слл. (у автора встречается применительно к интересующему нас региону даже термин «полинезия»).

⁵ Например: Журавлев, Шлотцауер 2010, 254–255; Brückner et al. 2010, 160 ff.; Kelterbaum et al. 2011, 235 ff.

⁶ Ср. Горлов 2007, 87: «...историко-географические представления о Таманском полуострове как архипелаге дельтовых островов палео-Кубани, широко используемые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий в период греческой колонизации, не получили своего подтверждения».

архипелагом – это в известной мере «спор о словах». Но все же, по сути дела, лучше говорить просто об «острове Тамань» (как он назывался в античности – это отдельный непростой вопрос, заслуживающий специального исследования, которое в рамках данной краткой статьи предпринять мы, конечно, не можем).

Подчеркнем, что остров этот существовал в любом случае; даже если не признавать существование «восточного дублера» Боспора Киммерийского, все равно рукава Кубани, расходящиеся в стороны Азовского и Черного морей, так или иначе отделяли данный кусок суши от материка. Причем следует вести речь именно об одном острове. К нынешнему моменту, кажется, однозначно доказано, что «...в историческую эпоху ни один из рукавов дельты палео-Кубани не впадал в Таманский залив»⁷. Не было ни Шемарданского рукава, ни Субботина ерика, и с этим сейчас вряд ли кто-либо всерьез не согласен и представит доказательные возражения⁸.

Итак, на первых порах у нас, повторим, имелись сомнения в связи с версией о восточном проливе, но на сегодняшний день их практически не осталось: настолько

⁷ Горлов 2007, 87. См. также: Горлов и др. 2002.

⁸ Кстати, еще одним интересным результатом новейших исследований, проводившихся по интересующей нас тематике (просто не можем не упомянуть об этом результате) стало то, что теперь приходится поставить под некоторое сомнение реальность постулируемой «фанагорийской регрессии» уровня Черного и Азовского морей. См. к этому: Brückner et al. 2010; Kelterbaum et al. 2011. Согласно общепринятому мнению (см. хотя бы: Бельский 1998, 28), в период этой регрессии (а это именно тот период, на который падает греческая колонизация) уровень моря был на 4–5 или даже на 7 м ниже современного. Но, как указывают авторы указанных чуть выше в этом примечании работ, данные по Средиземному морю, которое все-таки связано системой проливов с черноморским бассейном (а стало быть, должен работать «закон сообщающихся сосудов»), никаких подобных резких скачков не фиксируют. Конечно, можно предположить, что в силу тех или иных не известных нам причин на некоторое (не слишком значительное) время могло установиться различие (в том числе даже существенное) между уровнями Средиземного и Черного морей; но вот допустить, что такая ситуация сохранялась на протяжении целых столетий, уже гораздо сложнее. Кстати, помимо прочего, это означало бы, что в период колонизации течение в Черноморских проливах было направлено в сторону Понта; но, кажется, никто не рискнет сказать такое. Кроме того, например, для Азовского моря характерна чрезвычайно малая глубина, нигде не достигающая 20 м. В результате понижение уровня моря на несколько метров означало бы, без преувеличения, отступление береговой линии на несколько километров. И раннегреческие поселения, считающиеся приморскими, оказываются лежащими в глубине материка, что представляется маловероятным. Аналогично – с Таманским заливом. Если «фанагорийская регрессия» имела место, те же Кепы, получается, были основаны в чисто материковой местности? Зачем бы? Это порождает определенные сложности и в целом противоречит нашим знаниям о том, что греческие колонии практически всегда (за редчайшими исключениями, всякий раз имеющими конкретно-историческое объяснение, как, например, в случае с Киреной) основывались в прибрежной зоне, чтобы иметь гавань, выход к морю. Подчеркнем: то, что мы здесь говорим в связи с «фанагорийской регрессией», мы формулируем (опираясь, повторим, на сделанные коллегами выкладки) в предельно осторожной и гипотетичной форме (и позволяем себе сделать это только в подстрочном примечании). На данный момент вопрос никак нельзя считать окончательно решенным. В качестве аргумента в пользу реальности регрессии всякий раз приводят факт имеющего место ныне затопления прибрежной части некоторых (характерно, что не всех) эллинских городов Причерноморья. Да, этот факт налицо; однако не будем забывать, что наряду с гидрологическими процессами существуют и тектонические, причем последние, в отличие от первых, могут иметь и сугубо локальный характер. Иными словами, перед нами могут быть результаты не обязательно подъема уровня моря, возможен и вариант с опусканием суши. По крайней мере, отвергать такую альтернативу а limine вряд ли следует.

весомы и убедительны доводы авторов, эту версию выдвинувших. В высшей степени показательна уже ландшафтная картина региона. Место бывшего пролива ныне представляет собой обширную ложбину, четко ограниченную характернейшими обрывами абразионного происхождения⁹. Совершенно несомненно, что последние в прошлом были морскими берегами, а впоследствии перестали быть таковыми.

То же подтверждается и данными бурения. «В различных местах Таманского полуострова... было пробурено более 90 скважин глубиной от 3 до 15 м, изучены залегавшие здесь отложения... Пробуренные скважины показывают, что на месте современной дельты Кубани и системы лиманов вплоть до позднеантичного времени находился *пролив с морской водой* (курсив принадлежит авторам цитируемой работы. – И.С.), а не речные рукава. Об этом свидетельствуют прослеженные в скважинах морские донные отложения и микрофауна... Полученные в лаборатории радиоуглеродные даты показывают, что глубина пролива... еще в IV в. до н.э. была достаточна для плавания судов»¹⁰.

Исключительно важным обстоятельством, свидетельствующим в пользу существования в античности «восточного Боспора» является тот факт, что сейчас буквально на наших глазах создается новая модель истории освоения греками Тамани. Наибольший вклад в ее разработку внес А.А. Завойкин в ряде работ, написанных им как индивидуально, так и с соавторами¹¹. При этом сам А.А. Завойкин, насколько нам известно, не принадлежит к сторонникам идеи о «проливе-дублере». И тем не менее приводимые в только что указанных статьях данные объективно демонстрируют, что греческая колонизация Боспора шла двумя путями – западным и восточным¹².

Относительно первого из них никаких вопросов не возникает. Это – путь по Боспору Киммерийскому (существующему и поныне Керченскому проливу). Там были основаны Пантикапей и Нимфей, Гермонасса и Кепы, позже Фанагория и т.д., – в общем, те боспорские центры, которые ныне являются наиболее известными и названия которых мы знаем. Но одновременно и параллельно¹³ эллинские апойки продвигались и по восточному проливу. Там в течение VI века до н.э. также появился ряд поселений, которые (или, по крайней мере, часть которых), возможно, изначально являлись полноценными апойкиями, полисами¹⁴, а не комами,

⁹ Пожалуй, в данном случае несколько точнее в терминологическом плане говорить именно об абразионных (Kelterbaum et al. 2011, 239, 248, 252), нежели об эрозионных (Журавлев, Шлотцауер 2011, 255) процессах. Эрозия – более широкое понятие.

¹⁰ Журавлев, Шлотцауер 2011, 255–257. Правда, в другом месте (Журавлев и др. 2010, 168) эта глубина для IV в. до н.э. конкретизируется: 2–3 м в районе поселения Стрелка 2. Цифры, признаться, выглядят не очень впечатляюще. В связи с вопросом о том, когда пролив прекратил функционировать как судоходный морской путь, см. ниже.

¹¹ Завойкин 2009; 2011; Завойкин, Гарбузов 2010; Гарбузов и др. 2011; Гарбузов, Завойкин 2011; 2012.

¹² Ср. также: Паромов 2006, 371; Журавлев, Шлотцауер 2011, 283 слл.

¹³ А возможно и чуть раньше. Так утверждают Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер (2011, 284), считая, что восточный пролив был «более спокойным и удобным для плавания».

¹⁴ Сформулируем здесь нашу принципиальную позицию: в архаическую эпоху (до распространения афинской практики клерухий) колония (апойкия) в норме всегда основывалась метрополией именно как независимый полис, а не что-либо иное. Исключения (как Навкратис, некоторые колонии Коринфа) единичны и, главное, всегда имеют конкретно-историческое объяснение. В случаях, когда такого объяснения нет, мы должны *ceteris paribus* предполагать за колонией полисный статус, а не какой-то другой. Кстати, такого статуса колонии, как «эмпорий», вопреки распространенному мнению, вовсе не было. Эмпорий – не статус, а функция. См. Суриков 2009, 190.

не «выселками» на дальней хоре вышеупомянутых более западных городов¹⁵. Но вот только античных названий этих восточнотаманских колоний мы не знаем и вынуждены пользоваться условными современными наименованиями, как Голубицкая 2, Ахтанизовская 4, Стрелка 2 и др. Вопросы о возможных причинах «анонимности» этих населенных пунктов нам придется еще коснуться ниже. А пока отметим: если бы «восточного Боспора» не было, то пришлось бы констатировать, что целый крупный «куст» греческих поселений (среди которых могли быть полисы, – во всяком случае, относительно Голубицкой 2 это можно говорить с достаточными основаниями¹⁶) ни с того, ни с сего возник в глубине материка. Повторим то, что уже было сказано выше: это принципиально противоречило бы всему характеру архаической греческой колонизации.

Таким образом, практически несомненно, что пролив действительно существовал. Однако нам трудно согласиться с тем, как Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер его назвали: Боспор Кубанский¹⁷. Конечно, в чем-то их ход мысли можно понять: ведь пролив находился в том месте, где ныне – рукава Кубани. И все же подобное наименование не очень удачно, поскольку в нем эклектически сочетаются античный и современный топонимические компоненты.

Вообще говоря, едва ли не наиболее смущающим обстоятельством в связи с интересующей нас проблемой является именно то, что неизвестно античное название пролива, поскольку о нем вроде бы нет прямой информации в нарративных источниках. По мнению Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера, это объясняется тем, что с позднеэллинистического времени данный водный путь уже не функционировал или был доступен лишь для судов с малой осадкой¹⁸. Но здесь перед нами, в сущности, даже не объяснение, поскольку оно не дает удовлетворительного ответа на вопрос, а напротив, приводит к постановке нового вопроса: почему же пролив не упоминается в свидетельствах источников, относящихся к более раннему периоду, чем позднеэллинистический?

Но тут уместно поставить вопрос: а действительно ли таких упоминаний нет? И вспомнить по этому поводу о «Синдской щели» (Σινδικὸν διάσφαγμα). Еще В.Д. Блаватский в довольно давней статье «Древнейшее свидетельство о Синдике»¹⁹ привлек внимание специалистов по Северному Причерноморью к фрагменту Гиппонакта, поэта-лирика VI в. до н.э., в котором эта самая «Синдская щель» фигурирует (Hirpon. fr. 2a West). Он же и предложил считать, что имеется в виду пролив, отделявший Тамань от Синдики²⁰. Тогда это была всего лишь догадка, но теперь – в свете того, что появились новые данные, позволяющие достаточно

¹⁵ Чем бы можно было объяснить, что те же Гермонасса, Кепы и др., только-только возникнув, тотчас же (именно тотчас же) вдруг начали активно осваивать довольно отдаленные территории Восточной Тамани, переселять туда часть своих жителей? Что ни говорить, вариант с двумя параллельными (пусть, возможно, и не абсолютно независимыми) путями освоения региона все-таки выглядит несколько более вероятным.

¹⁶ Судя по самым последним результатам, полученным в ходе раскопок 2012 г., появляются основания говорить то же и применительно к Стрелке 2 (информация любезно представлена Д.В. Журавлевым; вдаваться в детали мы пока не считаем себя вправе).

¹⁷ Журавлев и др. 2010, 170; Журавлев, Шлотцауер 2011, 254 слл.

¹⁸ Журавлев, Шлотцауер 2011, 257.

¹⁹ Впервые опубликована в 1958 г. в труднодоступном болгарском издании. Мы ссылаемся на нее по перепечатке в кн.: Блаватский 1985, 55–58.

²⁰ Некоторые комментаторы Гиппонакта, как старые (Т. Бергк), так и новые (Э. Дегани), считали, что поэт намекает на Боспор Киммерийский. См. по этому поводу: Тохтасьев 2002, 24 (с верным указанием на некорректность этой идеи).

уверенно говорить о реальном существовании «восточного Боспора», – эта гипотеза, возможно, требует к себе более внимательного отношения (хотя, разумеется, гипотезой быть она не перестает²¹). И действительно, на восточный берег пролива выходило Синдское царство; что интересно, в непосредственной близости от интересующего нас водного пути находился Лабрис (Семибратнее городище)²², а на сегодняшний день наиболее вероятно, что именно этот город являлся столицей синдов. Тамань же тоже могла восприниматься как часть Синдики.

Правда, существует точка зрения²³, согласно которой выражение «Синдская щель» не может относиться к какому-либо географическому объекту, поскольку оно имеет обценное значение. Последнее вполне вероятно, однако подчеркнем, что одно толкование другому не противоречит, они не вступают во взаимоисключающие отношения. Многие метафоры полисемантичны; самые богатые метафоры полисемантичны обязательно. Напомним в данной связи, что еще во времена Геродота Меотиду называли «матерью Понта (μῆτηρ τοῦ Πόντου)» (Herod. IV. 86). Причем в данном контексте понимать это следует, разумеется, как «место, из которого рождается Понт» (а как иначе?). Другими словами, μῆτηρ здесь имеет отчетливые ассоциации с μῆτρα, из которой и «рождается» Понт, в том числе и через пресловутую «щель», трактуемую в метафорически-обценном смысле²⁴.

Вне зависимости от того, как бы ни относиться к предположению о том, что «Синдская щель» у Гиппонакта – это и есть наш пролив, мы предлагаем называть последний вместо «Боспора Кубанского» *Боспором Синдским*. Так, кажется нам, будет корректнее. К тому же это верно и по существу. Если пролив, отделяющий Тамань от Киммерии (Восточного Крыма) именовался в греческой традиции Боспором Киммерийским, то пролив, отделявший ту же Тамань от Синдики, логично и закономерно будет именовать – пользуясь тем же принципом – Боспором Синдским²⁵.

²¹ Специально оговариваем это во избежание упреков в том, что мы с чрезмерной категоричностью высказываем недоказуемые тезисы. Напротив, мы стремимся придерживаться максимальной осторожности суждений. Подчеркнем: не имеем в виду ничего большего, чем то, что перед нами именно *намек* Гиппонакта на географический объект. У нас, разумеется, и в мыслях нет попытки утверждать, что пролив, о котором идет речь, действительно когда-либо «официально» именовался Синдской щелью. Хотя, кстати, существует и такое мнение. В частности, когда эти строки были уже написаны, мы набрали «Синдская щель» в поисковой системе Yandex и обнаружили, что именно так полагает Н.И. Сударев. См. его интервью журналу «Огонек» на http://www.archae.ru/media/smi_29.html. Мы, повторим, так не считаем. Для нас главное в том, чтобы зафиксировать: возможно, все-таки имеется упоминание о проливе в источнике архаической эпохи.

²² Внуков и др. 2008, 135–138.

²³ Например: Тохтасьев 2002, 23–24; Яйленко 2011, 434–436.

²⁴ Нам могут возразить (и, собственно, уже возражали при обсуждении предварительного варианта этой заметки), что метафора щели (подразумевающая нечто узкое) не очень-то применима к «восточному Боспору» – проливу, который можно охарактеризовать скорее как широкий, причудливых очертаний. В целом это так; однако из карт-реконструкций, приведенных в цитированных работах группы Журавлева – Шлотцауера, видно, что в проливе все-таки было одно реально узкое место. Оно располагалось в его южной части, между современным Кизилташским лиманом и так называемой Стрелкой. Особенно мореходам, попадающим с просторов лимана (в те времена, вероятно, еще залива) в эту теснину, она могла по контрасту напоминать щель. Кстати, течение в этой части пролива по всем законам физики должно было быть направлено в сторону к Понту, а не от Понта; иначе получалось бы, что оно идет в Кубань.

²⁵ Мы обсудили эту нашу мысль с Д.В. Журавлевым. Он признал резонность наших соображений и согласился с ними.

Как бы то ни было, нам представляется, что отдельное название для этого пролива, если и существовало у самих греков, то должно было довольно быстро выйти из употребления. Ведь уже на раннем этапе освоения региона эллинские колонисты не могли не осознать, что западный и восточный проливы – это, в сущности, не два особых пролива, а два, если так можно выразиться, «рукава» (или «ветви») одного пролива. Так и могла представляться данная географическая реалья: как единый пролив Боспор с очень большим островом посередине. Кстати, хорошо было бы проанализировать существующие свидетельства источников о регионе именно под этим углом зрения: думается, интересные находки просто-таки гарантированы²⁶. Но это могло бы стать предметом отдельной работы.

А нам в рамках данной небольшой заметки хотелось бы еще затронуть вопрос о причинах и времени прекращения существования Боспора Синдского (или, точнее, прекращения его функционирования в качестве полноценного судоходного пути). Что касается причин, – безусловно, можно сказать (как и во всех случаях), что они были разнообразны и действовали в комплексе. Но фактором, сыгравшим, безусловно, главную роль, явились речные наносы²⁷. Они выносились такой крупной рекой, как Кубань, прямо напротив острова и как бы «натыкались» на него. В результате наносный материал, которому просто некуда было деваться, веками оседал в устье и в конце концов заполнил собою пролив.

Кстати, если бы не остров, то этот материал выносился бы непосредственно в Боспор Киммерийский, и тогда мелел бы именно последний. Получается, что «остров, которым была Тамань», фактически спас своим существованием западный пролив, но зато уничтожил восточный.

Что же касается времени, когда Боспор Синдский обмелел до такой степени, что перестал быть судоходным для морских кораблей (разумеется, для лодок он еще долго после этого мог оставаться вполне проходимым), то, как нам представляется, это произошло несколько раньше, чем полагают Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер: не в эллинистическую, а уже в классическую эпоху. И вот какими соображениями (разумеется, гипотетичными) мы руководствуемся.

Как отмечалось выше, в VI в. до н.э. греческая колонизация региона шла все-таки скорее двумя путями: апоикии размещались как на берегах Боспора Киммерийского, так и на берегах Боспора Синдского. Само это «раздвоенное» освоение Тамани уже демонстрирует, что в указанном столетии оба пролива, вероятно, еще полноценно функционировали.

²⁶ Так, сразу же припоминается, что в одном из самых подробных рассказов о Боспоре и окрестностях – у Страбона (XI. 494–495) – говорится об «острове» (отнюдь не об «островах»). А вот пассаж из перипла Псевдо-Скимна (890 sqq. Müller, перевод наш):

Все эти города лежат на острове;
Вдоль Меотиды до Боспора тянется
Он; земли там обширные и ровные.
Отчасти топи, речки и разливы, что
Напротив, остров недоступным делают,
Отчасти ж – море купно с Меотидою.

Далее, в боспорских надписях упоминается должностное лицо $\acute{o} \epsilon \pi \iota \tau \eta \varsigma \nu \eta \sigma \sigma \upsilon$ и т.п.

²⁷ Ср.: Журавлев и др. 2010, 168.

Но уже в достаточно скором времени судьба этих двух «кустов» эллинских поселений становится совершенно различной. Колонии западной ветви²⁸ развиваются, разрастаются, и средоточием исторической жизни Боспорской области являются именно они. Вряд ли случайно, что ядро Боспорского государства Спартокидов сложилось в классическую эпоху именно на Боспоре Киммерийском.

А вот колонии восточной ветви в то же самое время, похоже, тихо затухают²⁹. Они превращаются в глухую глубинку и фактически «выпадают из истории» – вплоть до того, что, как уже упоминалось выше, мы даже не знаем их античных названий (применительно к таким ситуациям иногда говорят о «несостоявшихся полисах», т.е. о поселениях, утративших полисный статус, физически сохранившихся, но лишившихся независимости и перешедших в разряд ком на чужой хоре). И это при том, что изначально, при основании, они, казалось бы, имели ровно такие же потенции к развитию (как минимум, не худшие), как и западнобоспорские апойкии. Но вдруг что-то помешало этим центрам, расположенным на Боспоре Синдском, дальше развиваться. И помешало, подчеркнем, уже в классическую эпоху, а не в эллинистическую! Иначе, надо полагать, античная нарративная традиция хоть что-то да сообщала бы нам об этих населенных пунктах для того периода, когда Спартокиды властной рукой распространяли свое господство в Восточном Крыму, на Тамани, в Синдике...

Как мы считаем, роковым для восточнотаманских колоний обстоятельством должен был стать именно тот факт, что Боспор Синдский уже тогда, в классическую эпоху, обмелел настолько, что не мог использоваться морскими судами³⁰. Соответственно, если ранее движение последних шло через оба пролива, то теперь пошло только через Боспор Киммерийский – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поселения, располагавшиеся на Боспоре Синдском, оказавшись в стороне от важного водного пути, постепенно пришли в упадок.

Итак, здесь мы высказали некоторые посильные (и, разумеется, предварительные) соображения по некоторым вопросам, связанным с исчезнувшим проливом. Не сомневаемся, что дальнейшая разработка этой проблематики обязательно принесет новые, интереснейшие, во многом неожиданные результаты.

²⁸ Подчеркнем, что мы исходим из традиционной локализации упоминаемых в источниках основных боспорских полисов. Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер пишут (2011, 291, прим. 150), что со временем планируют коснуться «вопроса о некоторых возможных изменениях в топонимике Таманского полуострова, основанных на анализе античной литературной традиции и факте существования Кубанского Боспора». Вполне возможно, что потребность некоторых изменений подобного рода действительно возникнет в свете новых данных. Но мы не думаем, что изменения будут носить слишком уж кардинальный характер. Вряд ли они коснутся локализации важнейших центров, таких, как Фанагория, Гермонасса и др.

²⁹ Ср. Гарбузов, Завойкин 2011, 200: «Восточные земли Таманского полуострова (в том числе большие массивы плодородных почв в южной их части), довольно бурно осваиваемые греками во второй половине VI – первых десятилетиях V в. до н.э., “застывают” в своем развитии».

³⁰ Выше отмечалось, что в IV в. до н.э. глубина пролива, по данным группы Журавлева–Шлотцауера, составляла 2–3 м; думаем, что и в предшествующем столетии было не сильно иначе. Сколько-нибудь осторожный капитан или лоцман не поведет судно, – конечно, если это не лодка – в места, где он рискует встретиться с глубинами такого порядка. Особенно если есть возможность (как в нашем случае) воспользоваться параллельным проливом с нормальными глубинами.

Литература

1. Бельский Д.Б. 1998: Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеоморфологической реконструкции береговой линии // ПИФК. 5, 27–37.
2. Блаватский В.Д. 1985: Античная археология и история. М.
3. Внуков С.Ю., Поротов А.В., Пушкарев П.Ю., Кельтербаум Д. 2008: Археолого-палеогеографические исследования Семибратнего городища. Задачи и методы исследования // ДБ. 12, 1, 129–147.
4. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2011: Освоение греками земель Таманского полуострова в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э. // Античный мир и археология. 15, 194–222.
5. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2012: Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V в. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.) // ДБ. 16, 114–149.
6. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. 2011: Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э. // ДБ. 15, 90–172.
7. Горлов Ю.В. 2007: К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 11, 86–105.
8. Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К. 2002: К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 12, 248–257.
9. Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2011: Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. 1, 252–293.
10. Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. 2010: Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 14, 162–183.
11. Завойкин А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 13, 176–205.
12. Завойкин А.А. 2011: О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н.э. / Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). М., 18–39.
13. Завойкин А.А., Гарбузов Г.П. 2010: О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14, 184–219.
14. Паромов Я.М. 2006: Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 10, 365–383.
15. Суриков И.Е. 2009: «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // Studia historica. 9, 185–201.
16. Тохтасьев С.Р. 2002: ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. 4, 10–32.
17. Яценко В.П. 2011: Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике // ДБ. 15, 411–454.
18. Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A. 2010: The Holocene Sea Level Story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // Quaternary International. 2010. 225, 2, 160–179.
19. Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2011: Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. 143, 3, 235–258.

SOME CONSIDERATIONS ON AN EXTINCT STRAIT, THE SINDIAN BOSPORUS

I. E. Surikov

As a result of researches conducted by the group of D. Zhuravlev and U. Schlotzhauer, by now there can be no serious doubts as regards the existence in antiquity, to the east of the Cimmerian Bosphorus, of the other strait connecting the Black Sea and the Azov Sea. However, the name given to the strait by the scholars cited – the Kuban Bosphorus – does not seem quite felicitous to me. I would offer another one: the Sindian Bosphorus, as it separated the future Taman Peninsula (then a large island) from Sindica, as the Cimmerian Bosphorus separated Taman from Cimmeria. Maybe «the Sindian crack» mentioned in a fragment of Hipponax (the 6th century BC.) has to do exactly with the strait in question.

Greek colonization of the Bosphorus region in the sixth century went two ways: through the Cimmerian Bosphorus and through the above-mentioned more eastern strait. But later the fate of the two sets of colonies appeared quite different. Colonies on the Cimmerian Bosphorus flourished and created the Bosporan Kingdom; colonies on the Sindian Bosphorus degraded, and their names are even absent from our narrative sources. I think the main reason is that the Sindian Bosphorus ceased to be navigable for sea ships already in the Classical period and not in the Hellenistic one.

Keywords: historical geography of the Northern Black Sea region, straits, islands, Bosphorus, colonization, Taman Peninsula.

© 2013 г.

В. П. Толстиков, М. Б. Муратова

К ПРОБЛЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ АПОЙКИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в. до н.э.

В статье на основании сопоставления новейших материалов раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина с материалами, полученными ранее, рассматриваются особенности пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н.э.

Ключевые слова: Пантикапей, городское пространство, светильник, стол-трапедза, теменос, симпатическая магия, жертвоприношение коня.

Локализация границ древнейшего ядра Пантикапейской апойкии, исследование культурных напластований и строительных остатков, относящихся к начальному периоду поселения, а также выявление динамики его пространственного развития относятся к приоритетным задачам Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, которая ведет раскопки на горе Митридат уже 67 лет. Несмотря на достигнутый в последние десятилетия прогресс в изучении ряда важнейших периодов истории столицы Боспора, древнейший период этого поселения все еще представляет собой, в известном смысле, «белое пятно» на его археологической карте.

Впервые наиболее ранние из известных до настоящего времени культурных напластований были выявлены лишь в 1949, 1952–1953 годах на Верхнем Митридатском раскопе. Здесь же, в ходе регулярных раскопок под руководством профессора В.Д. Блаватского был открыт и так называемый «Дом эмпора»¹. Наталья Алексеевна Сидорова и Ирина Дмитриевна Марченко, будучи научными сотрудниками

Толстиков Владимир Петрович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии античного мира Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Муратова Майя Борисовна – доктор философии (PhD), доцент факультета искусства и истории искусств университета Адельфи (Нью-Йорк).

¹ Блаватский 1957, 13–19; 1962, 8–13.